

понятийных/концептуальных блоков, которые определяют наше восприятие окружающего мира. Они разъясняют не только имплицитные мотивы возникновения тех или иных номинаций, но и их смысл, имеющий идиоэтнические и национально-культурные признаки. Более того, они представляют собой «систему множеств семантических примитивов, совпадающую с набором лексических универсалий, которая лежит в основе человеческой коммуникации и мышления» [1, с. 296]. Другими словами, сознание представляет собой процесс отображения действительности не только в формах понятий и умозаключений, но и в таких, как ощущения, представления, эмоции. Такая система имеет подвижный и открытый характер.

4. Динамика лексических универсалий, на наш взгляд, связана с признанием того факта, что каждая языковая личность является сама по себе открытой и изменяющейся системой. Следовательно, и всё фразеологическое пространство создано на основе опыта и критического познания, когда человек переживает и принимает новые реальности, вводит их в свой живой язык. Заметим, что он не просто живёт в данной культуре – он живёт в ней осознанно, на критическом уровне. Таким образом, культурная идентичность – необходимый фактор при интерпретации не только смысловой структуры фразеологической единицы, но и ее широкого культурного контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание.– М., 1996.
2. Крысин Л.П. Речевое общение в социальнеооднородной среде // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2000.

Поступило в редакцию 11.03.2002 г.

*Богданович Г.Ю.
(Симферополь, Украина)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ ЕЕ ОПИСАНИЯ

Язык всегда чутко реагирует на исторические процессы, происходящие в обществе. Меняется социальный облик человека и социума – и тут же лингвистические преобразования не замедлят сказаться. Наша действительность характеризуется различными эпохальными событиями, которые объективно повышают интерес людей к политическим, экономическим, военным, экологическим, культурным проблемам. Активизируется также потребность людей в различного рода информации. В связи с этим подвергается изменению стиль человеческой жизни, формы его мышления, происходит переосмысление стереотипов, заложенных в сознании человека и его языке. Интерес, предъявляемый к данным сферам жизни общества, не является новым. Европейская лингвокультурологическая традиция связана с именами Ф. де Соссюра, Р. Якобсона, Р. Барта, Т. ван Дейка. Заметный вклад в лингвистическую теорию культурно-ситуативных моделей внесли Л. Витгенштейн, Г. Г. Гадамер, Г. Гийом.

М. Хайдеггер, Н. Хомский, К. Ясперс; активно занимаются исследованием лингвокультурной ситуации такие ученые, как Т.Т. Дридзе, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.М. Шаклеин, В.А. Маслова.

Благодаря современным научным трудам лингвокультурология текста стала объектом современной русистики и нашла свое практическое применение в анализе авторских текстов.

Моделирование современной действительности в языке может распадаться на целый род направлений:

- лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса, субэтноса в какой-то короткий и яркий в культурном отношении отрезок времени (т.е. лингвокультурная ситуация);
- историческая лингвокультурология;
- историко-типологическая лингвокультурология;
- сравнительная лингвокультурология, преследующая прагматические цели [25, с.10].

Что следует понимать под лингвокультурной ситуацией?

Ответ на этот вопрос можно найти в работах В.А.Масловой, В.М.Шаклеина [14: 25]. Безусловно, лингвокультурная ситуация является объектом изучения лингвокультурологии, где рассматриваются процессы взаимосвязи и взаимозависимости языковых и культурных явлений.

В связи с этим уместно было бы вспомнить о так называемой экстралингвистической области языка, под которой понимается «всё то, что в лингвистике соприкасается с этнологией, все связи, которые могут существовать между историей языка и историей расы или цивилизации. Обе эти истории сложно переплетены и взаимосвязаны. Обычаи нации отражаются на её языке, а он – в значительной мере формирует нацию» [18, с. 59]. А к собственно лингвистическим (внутриязыковым) принято относить наличие или отсутствие старописьменных традиций, существование диалектов, их характер, смену диалектной базы, наличие художественной и публицистической литературы, письменности [21, с.195].

Таким образом, культуру в широком социальном смысле можно понимать как «совокупность специфических человеческих способов деятельности и её результатов» [6, с.5], которая находится в прямой зависимости от языка и влияет на него, составляя целостные лингвокультурные системы, реализующиеся в лингвокультурных ситуациях.

При этом следует иметь в виду, что лингвокультурная ситуация – это динамичный и волнообразный процесс взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся культурных регионах и социальных сферах [25, с.19]. На наш взгляд, исчерпывающе представил становление теории лингвокультурной ситуации В.М.Шаклеин [25], охарактеризовавший основные направления в изучении ЛКС:

лингвокультурология как научная дисциплина имеет богатую предысторию, уходящую корнями в сочинения античных мыслителей;

научный разворот проблема взаимодействия языка и культуры приобрела в исследованиях ученых XIX века: В. Гумбольдта, А. Потебни, Ф. Буслаева;

состояние современной лингвокультурологии обусловлено активным развитием таких наук, как этнология, этнография, семиотика, психолингвистика, компьютерная

лингвистика, социоллингвистика;

выработка собственно лингвокультурологической теории, преодоление совмещения категориального аппарата лингвистики и других гуманитарных наук.

Лингвокультурологические исследования известны давно. Однако именно В. Гумбольдт стоял у истоков определения мировоззрения народов через их языки [9].

Идеи ученого получили своё продолжение в трудах классиков: А.А.Потебни [15], Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа [27], а также А. Мейе, Ж. Вандерисса, Э. Бенвениста. Работы ученых породили множество самостоятельных направлений в лингвистике: антропололингвистика, этнолингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика и т.п. [24].

В современной русистике сложилось несколько направлений в изучении языка и культуры: этнолингвокультурология Н.И. Толстого, этнографические исследования А.К. Бабурина, Я.В. Чеснокова, П.М. Кожина, В.В. Воробьева [26]; изучение языковой картины мира [работы Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, Ю.Д. Апресяна, В.В. Иванова, Е.А. Земской, В.Н. Телия, В.Н. Топорова, А.Д. Шмелева и др.]

Еще Ю.Д. Апресян полагал, что реконструкция «наивной модели мира» на основе полного описания лексических и грамматических значений начинает рассматриваться как сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе [1, с. 6]. Языковые значения можно связать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям «наивной модели мира», как она представлена в данном языке. Поэтому сегодня существенный интерес представляет лингвокультурология текста (и дискурса), основанная В.В. Виноградовым, А.М. Пешковским, Л.В. Щербой.

Понятие лингвокультурной ситуации сжато вбирает в себя практически всю жизнь того или иного общества. И в этом смысле можно выделять наиболее значительные, с точки зрения автора, факторы ЛКС либо подробно рассматривать один из них. В том и другом варианте лучше не претендовать на всеобъемлющий взгляд на ЛКС [25, с. 35].

Разработка составляющих ЛКС довольно неравномерно распределяется, главным образом, в этнолингвистике, коммуникативной лингвистике и социоллингвистике.

Лингвокультурная ситуация в том или ином ареале может быть различной.

Если говорить о юге Украины, например о Крыме, то здесь, скорее, придется свидетельствовать о полилингвокультурной ситуации, или о мультилингвокультурной ситуации. Ведь на территории Крыма проживает свыше 110 различных этносов, имеющих свою культуру, свой язык. Самые большие национальные общины – русские (до 70 % населения), украинцы (почти 20%) и крымские татары (около 10 %). Кроме того, на полуострове проживают азербайджанцы, армяне, болгары, греки, грузины, венгры, евреи, итальянцы, поляки и многие другие, среди которых есть и так называемые малые народы (например, караимы, крымчаки), численность которых определяется несколькими сотнями.

Анализ этих факторов позволяет утверждать, что результаты взаимодействия для этносов, участвующих в нем, чаще всего будут различны.

Выделяют четыре варианта контакта, который может ограничиваться одним простым количественным изменением в культуре этноса, но может привести и к глубоким структурным сдвигам в ней [16, с. 208-299]:

1) *прибавление*. В данном случае этнос, сталкиваясь с другой культурой, осваивает

некоторые ее достижения;

2) *усложнение*. Качественные изменения культуры этноса под влиянием более зрелой культуры;

3) *убавление*. Происходит потеря собственных навыков в результате контакта с более развитой культурой;

4) *обеднение* (эрозия). Деструкция культуры и её постепенное исчезновение.

Чем выше уровень культуры этноса, тем более благоприятные последствия приносит её знакомство с другой культурой. В зависимости от этого, видимо, следует говорить об ассимилятивных и интеграционных межэтнических коммуникациях. В этом смысле Крым пережил и переживает различные культурные коллизии [12].

Особым субъектом межэтнических взаимоотношений в современном мире является национальное (этническое) меньшинство.

Национальное меньшинство – это отдельная этническая общность, проживающая на территории инонационального государства и сохраняющая свою этническую самобытность и специфические традиционные черты культуры, осознающая свои отличия и причисляющая себя к самостоятельной этнической группе.

Украинское общество, пройдя первые шаги независимости, переходит в новое состояние: резко возрастает интерес к научному осмыслению формирования нации, проблемам идентификации с нею различных этнических групп, а также жизненных стратегий человека.

Специфической особенностью южного региона является всеобщее владение русским языком, языком этнической группы, а также иностранным языком (23%). Таким образом, создается некое языковое пространство, которое продуцирует двойную и тройную идентификацию и ведет к образованию новой надэтнической общности и одновременно позволяет более активно вписываться в мировое социокультурное пространство. Молодое поколение в значительно большей степени, чем среднее и старшее, владеет разными языками (украинским, русским, иностранным, своей этнической группы), и языковой фактор не является для него главным. Наибольшее значение для этнической консолидации молодежи имеет историческая родина (35,6%) и общность происхождения (34,5%).

Поэтому языковая картина мира южного региона Украины сохраняет свое этническое многообразие, несмотря на всю сложность, противоречивость и неоднозначность этнических взаимоотношений. Сохранение человеком своей этнической принадлежности является его родовой потребностью, поскольку помогает ему более четко определить свое место в окружающем мире.

Изучить лингвокультурную ситуацию в условиях мультикультурной среды в полной мере поможет социолингвистика.

Социолингвистика – наука, возникшая сравнительно недавно, поэтому, когда говорят о методах, применяемых в данной области знаний, обычно прежде всего упоминают о разнообразии приемов. Именно совокупность методов (сбора материала, методов его обработки и оценки достоверности) и социолингвистическая интерпретация позволяет выявить закономерные связи между языком и социальными институтами.

В сборе информации мы использовали наблюдение и опросы, анализ письменных

источников. Среди методов сбора материала следует выделить: 1) собственно наблюдение, помогающее изучать процессы, происходящие на наших глазах; 2) включенное наблюдение, которое предполагает, что исследователь становится членом наблюдаемой им группы. Это дает возможность изучать групповое поведение изнутри, а также в различных ситуациях внутригруппового общения.

Можно использовать как открытый (с помощью диктофонов при разъяснении ситуации: для чего проводится тот или иной опрос), так и скрытый (записи в транспорте, магазине, на рынке, у врача, а также в других ситуативно значимых позициях) сбор материала.

Проводя внешнее и внутреннее включенное наблюдение за речевым поведением индивидов или группы людей, не следует пытаться влиять на это поведение, даже внешне стараясь не обнаруживать свою позицию. «Объективная фиксация спонтанного речевого поведения людей в этом случае потребовала бы очень большого времени и затраты сил, поскольку нельзя «заказать» говорящему продуцирование только тех речевых фактов, которые интересуют исследователя, и эти факты пришлось бы «выуживать» из больших массивов записей» [2, с.285].

Проводя различного рода наблюдения, исследователи нередко пользуются интервью, которое обычно сводится к многочисленным беседам с представителями изучаемого социума.

При изучении лингвокультурной ситуации анкетирование – самый надежный метод получения социолингвистической информации. Например, вниманию респондентов была предложена комбинированная социолингвистическая анкета, нацеленная на объективное исследование функционирования языка в обществе, с одной стороны, а также, с другой. – на изучение речевого узуса, оценку носителями различных языковых фактов. Это касалось, как правило, коммуникативной специфики языка, ситуативности функционирования этических концептов, новообразований, заимствований и мн.др. При этом важными были вопросы паспортной группы (пол, национальность, возраст, образовательный статус, место жительства и т.д.). Мы предпочитали меньше задавать вопросов так называемой собственно социологической направленности. Безусловно, для нас были значимыми примеры предпочтения того или иного языка в конкретной ситуации, однако ответы на многие из таких вопросов можно почерпнуть из мониторинговых исследований Института социологии НАН Украины, а также наблюдений крымских социологов.

Методика нашего анкетирования основывалась на отношении респондента к опросу и опрашивающему. Потенциальным респондентам не всегда были ясны реальные цели и причины, по которым они попадали в выборочную совокупность (особенно это касалось нефилологов по специальности). Кроме того, из-за опасения проявления нежелательных последствий (что вело к намеренному искажению ответов или отказу их выполнять) анкетирование (по решению респондента) могло быть анонимным (без указания фамилии, имени, отчества; однако сведения социального характера – пол, возраст, национальность, образовательный статус – следовало указать обязательно). Вместе с тем анонимно заполненными были единичные анкеты, причем бланк респонденты могли заполнять либо самостоятельно, либо это делал интервьюер с их слов.

Известно, что контрастивный анализ сыграл значительную роль в проведении

межъязыковых и межкультурных сопоставлений, пройдя путь от признания его основным и достаточным методом выявления «критических» моментов в рассматриваемых языках и культурах через разочарование в его прогностических возможностях к использованию этого подхода в сочетании с другими исследовательскими процедурами.

Анализ ошибок в речи двуязычных индивидов как реакция на недостаточность сопоставления языковых систем при контрастивном анализе сделал большой вклад в изучение особенностей взаимодействия языков и культур, выявив в то же время необходимость обращения к более широкому контексту функционирования языков при их контакте – к дискурсу, а также к своеобразному «промежуточному языку» как достоянию овладевающего вторым языком и второй культурой индивида.

Реанимированные в 80-е годы интроспективные методы позволили «заглянуть» в процессы поиска индивидом межъязыковых и межкультурных соответствий, обнаружить используемые при этом стратегии и опорные элементы.

Психолингвистический эксперимент как метод межъязыковых и межкультурных исследований через применение разнообразных процедур (в том числе – различных вариантов ассоциативных текстов, шкалирования, дефинирования и т.д.) помог обнаружить специфику процессов категоризации, идентификации через типичные примеры и признаки, эмоционально-оценочных переживаний и т.п. в условиях различных языков и культур. (Однако нередки случаи, когда: а) обращение к эксперименту не является необходимым и составляет лишь «дань моде», доказывая самоочевидные факты; б) при важности оперирования экспериментальными данными отсутствует четко сформированная рабочая гипотеза, которая вытекала бы из принятых исходных теоретических позиций и из учета специфики исследуемого объекта; в) выбор экспериментальной методики является случайным и не согласуется с задачами исследований; г) обсуждение полученных результатов ведется с позиции теории, разработанной для иных целей и не учитывающей специфики вскрываемых в эксперименте закономерностей; д) имеет место экспериментирование ради экспериментирования в надежде получить «что-нибудь интересное» и т.д., когда исследование приносит мало пользы или вообще дискредитирует саму идею применения эксперимента [2]).

Комплексный подход обеспечивает наибольшую эффективность межъязыковых и межкультурных сопоставлений с использованием названных выше методов и с добавлением наблюдения, анализа переводов с одного языка на другой и т.д., но лишь при условии последовательной опоры на единую теорию, которая дает основания для формулирования некоторой рабочей гипотезы, выбора соответствующего материала для исследования и адекватных задачам работы экспериментальных процедур, а также для интерпретации и объяснения получаемых данных и дальнейшего прогнозирования определенных фактов и закономерностей.

Отказ от контрастивного анализа как исследовательского подхода достаточно наглядно продемонстрировал, что самое тщательное и детальное сопоставление языковых систем не может обеспечить достижения целей межъязыкового и межкультурного сопоставления. В этой связи закономерным оказалось обращение к носителям языка, к продуктам их пользования языком при анализе ошибок в речи двуязычных индивидов, к изучению используемых при этом стратегий и опорных

элементов, к моделированию процессов понимания и производства речи в условиях владения одним или более языком. Акцентирование внимания на том, как функционирует язык в культуре и через культуру в реальных условиях оперирования им при межличностных контактах, знаменует переход от лингвистической теории к психолингвистическому научному подходу, который должен отвечать ряду необходимых требований.

Исследования, выявляющие национальную специфику концептов, построены на методике контрастивного анализа, т.е. сходства семантического содержания концептов разных народов. Именно это сходство делает возможным переводы с языка на язык.

С помощью контрастивного анализа возможно выявить общие когнитивные компоненты в концептах сравниваемых национальных концептосфер, обнаружить различия в них, а также отсутствие некоторых когнитивных компонентов в концепте одной из сравниваемых культур. При описании концепт должен быть представлен как набор неких признаков, которые реально представлены в сознании носителей языка.

Контрастивный анализ кратчайшим путем приводит исследователя к обнаружению лакун в семантическом пространстве одного из сравниваемых языков.

При изучении лингвокультурной ситуации нередко используются и экспериментальные методики, одной из которых следует признать так называемый свободный ассоциативный эксперимент (заключается в предъявлении респондентам слов-стимулов, на которые они должны реагировать любой словесной реакцией, приходящей им в голову). Обработка данных результатов позволяет отразить те или иные концептуальные признаки исследуемого.

Обычно предлагается записать первые 3-5 слов, пришедших в голову реакций (слов, словосочетаний, предложений) на слово-стимул. При обработке результатов целесообразно учитывать все ассоциации, в том числе и единичные.

Языковая игра также признается одним из приемов экспериментальных методик. Деятельность языкового сознания можно представить как процесс формирования «образа мира», опосредованный языком и проецируемый в дискурс. Наряду с логико-когнитивными аспектами этого процесса, предметом систематического исследования должны стать и игровые (людческие) моменты, наблюдаемые в динамике речевой деятельности.

Е.А. Земская отмечает, что в ряде лингвистических работ речь идет о «языковой игре» как о своеобразной реализации поэтической (эстетической) функции языка, что приводит к комическим эффектам [10, с.172-214]. «В тех случаях, когда «плетение словес», самоцельное или подчиненное той или иной внеочередной задаче, является доминантой высказывания», к упомянутым случаям можно отнести самоцельную игру слов (каламбуры, специфические приемы и жанры в поэзии) и использование языка как средства создания игровой ситуации, в т.ч. розыгрыши, игровой фольклор, литературная фантастика [13]. Некоторые ученые среди прочих характерных черт молодежного сленга видят также его людческую направленность; игровой принцип в нем реализуется как создание своего рода коллективной маски, как карнавализация [3].

К проблеме игрового фактора в языке имеет прямое отношение и протекающий в русле игровой активности процесс развития речи в онтогенезе. Л.С. Выготский отмечал, что «игра есть основной путь культурного развития ребенка, и в частности развития его знаковой деятельности» [8, с.69]. А Л. Витгенштейн «языковой игрой» называет

усвоение значений слов детьми в процессе словоупотребления, а также некое «целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен» [7, с.82]. Игровое начало в деятельности языкового сознания видит В.Г. Борбатько [5].

Вербальное коммуникативное поведение – это совокупность правил и традиций речевого общения в определенных условиях коммуникации. Сюда входят этикетные формулы, принятые в определенных ситуациях темы общения, «речевые игры»; набор и последовательность фрагментов общения в разных ситуациях, продолжительность фрагментов общения в разных ситуациях, продолжительность общения в разных условиях, соблюдение временных рамок, развертывание темы и сами эти рамки для различных ситуаций, интервалы общения различных групп людей, приоритеты общения в разных коммуникативных группах и т.д.

Невербальное коммуникативное поведение – совокупность правил и традиций, регламентирующих ситуативные условия общения; физические действия и контакты общающихся; мимика и жесты, позы, регламентирующие общение, сопровождающие его; дистанции общения; организация пространства общения [11; 19; 23]. В связи с этим можно ввести такие теоретические понятия: нормативное и ненормативное коммуникативное поведение, коммуникативное действие; коммуникативный сюжет, речевая игра, коммуникативный императив, коммуникативное табу, продуктивное и рецептивное коммуникативное поведение.

Поэтому неслучайно именно рецептивный эксперимент (эксперимент на понимание) является одним из приемов социолингвистических исследований.

Эксперимент подобного рода проводится методом анкетирования, где предлагается, например, ответить на вопросы: что вы понимаете под...; дайте толкование слов...; какие слова вы не будете использовать для обращения к женщине (мужчине); какие устойчивые слова и выражения имеют для вас какой-либо смысл; какие жаргонные слова и выражения вы любите использовать; какие современные заимствования никогда не войдут в ваш лексикон; приведите примеры привычных для вас комплиментов. Применяется также свободный и направленный ассоциативный эксперимент. Например, по данным этих экспериментальных приемов выявлено актуальное содержание концепта (крымчанин) и описано его интерпретативное поле.

Рецептивный эксперимент осуществляется для изучения знания (понимания) значения языковой единицы носителями языка.[20, с. 117].

Лингвокультурологические исследования как бы пронизывают как вузовскую, так и школьную систему преподавания. Однако следует констатировать, что, к сожалению, традиционная система обучения русскому языку в школе сегодня не соответствует современным требованиям гуманистического и гуманитарного образования в силу одностороннего подхода к объекту обучения – языку, рассмотрению его преимущественно в системно-структурном аспекте, в отстранении от человека – носителя языка, общества, в котором язык функционирует, культуры, которую он выражает и развитию которой способствует. При таком подходе культуруносная, духовная, «человекоформирующая» сущность языка остается вне поля зрения, да и представление о языке как саморазвивающейся функционирующей системе оставляет желать лучшего. В результате – невысокая лингвистическая культура, элементарная безграмотность, неумение использовать язык как мощное коммуникативно-

информационное средство, основу приобщения к знаниям, культуре, творческой деятельности.

«Поиски эффективности путей обучения языкам привели к разработке лингвокультурологической концепции лингвистического образования» [17, с.17].

В центре коммуникативно-культурологической концепции обучения языкам лежит идея взаимосвязанного изучения языка и культуры. Соизучение языка и культуры, выработка не только языковой, но и коммуникативно-культурологической компетенции становится на наших глазах генеральной линией и основной целью обучения как родному, так и русскому языкам в национальных школах.

Социо-психо-лингвистической основой этого направления явилось понятие «язык, личность». Есть основания считать это понятие системообразующим для описания языка и культуры в учебных целях, так как именно в человеке, в его сознании соприкасаются как идеальные языковые значения, так и образы произведений культуры. Если родной язык и культура – основа социализации личности, осуществляемой в процессе интракультурного общения в рамках одной этносоциокультурной общности, то познание другого языка и культуры народа – их носителя открывает возможность интеркультурного (межкультурного) общения билингвальной (мультилингвальной) языковой личности.

В лингвокультурологической концепции обучения языку отмечаются тенденции ее формирования не в монологическом режиме (язык и русская культура), а диалогическом (русский язык – родной язык, русская культура, родная культура). Сопоставительно-типологический план (соотнесенность двух языков и культур), помогая выявить их типологические и национально-специфические черты, способствует более глубокому осознанию как чужой, так и родной культуры и языка: в прагматическом аспекте изучаемый язык может рассматриваться не только как средство вхождения в культуру народа – ее носителя (в нашем случае русского), но и будет являться средством ознакомления представителей других народов с родной культурой; эта соотнесенность позволит глубже проникнуть в языковую «картину мира» двух народов, понять их психологию, характер, обычаи, обряды, историю, нашедшую в этой картине мира свое образное воплощение.

Лингвокультурологическая концепция обучения языкам в школе, в том числе русскому, вносит существенные коррективы в профессиональную подготовку студентов-филологов. Задача формирования языковой личности учителя-словесника не может ограничиваться языковой и лингвистической компетенцией (практическое владение языком и основами науки о языке – лингвистики). Наряду с компетенцией коммуникативной (решение коммуникативных задач с помощью языка, культура общения, речевая культура), не вызывает сомнения необходимость формирования лингвокультурологической компетенции (осознание языка как феномена культуры, культурно-исторической среды; национальной специфики языковой картины мира, национально-культурного компонента значения языковых единиц). В какой-то мере эти вопросы раскрываются в лингвистических курсах, и прежде всего общего языкознания, истории языка и современного русского языка.

Языковая ситуация, в отличие от языкового состояния, предполагает рассмотрение языковой действительности в развитии, т.е. функционирования языков соответственно со статусом региона, выявления их роли в различных условиях языковой деятельности,

а также учета среды их обитания.

Это позволяет рассматривать языковую ситуацию в качестве концептуального поля, компонентами которого являются статус языка (государственный и региональный языки), язык политики и языковое строительство, языковые конфликты, языковая компетенция, ценностные (языковые) ориентации.

Билингвизм представляет собой социальную необходимость – одно из главных условий совместного проживания и сотрудничества разноязычных народов.

Таким образом, лингвистика включает в себя этно-психо-социолингвистику, лингвострановедение, культурологию и лингвокультурологию.

Школа является одной из ступеней подготовки грамотного, эрудированного человека. А без знания языков сегодня взрослому человеку обойтись невозможно. Особенно это заметно в Крыму, где лишь через взаимодействие языков и культур человек становится духовно богаче.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – Вып. 28. – 1986. – С. 6.
2. Беликов В.Н., Крысин А.П. Социолингвистика. – М., 2001. – С.285.
3. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С.32-41.
4. Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Русский язык: 5 класс. Учебное пособие для средней общеобразовательной школы. – Симферополь, 1997. – 120 с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Русский язык: 6 класс. Учебное пособие для средней общеобразовательной школы. – Симферополь, 1998. – 168 с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Русский язык: 7 класс. Учебное пособие для средней школы. – Симферополь, 1998. – 122 с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Русский язык: 8 класс. Учебное пособие для средней общеобразовательной школы. – Симферополь, 1998. – 123 с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Русский язык: 9 класс. Учебное пособие для средней общеобразовательной школы. – Симферополь, 1998. – 123 с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Русский язык: 10-11 класс. Учебное пособие для средней общеобразовательной школы. – Симферополь, 1998. – 132 с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Русский язык в терминах. Учебный словарь-справочник. – Симферополь: Таврида, 1997. – 104 с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Схемы, таблицы, алгоритмы по орфографии и пунктуации. Учебное пособие для студентов вузов, абитуриентов и учащихся средней школы. – Симферополь, 1995. – 28 с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Дидактический материал по русскому языку: 5 класс. Учебное пособие. – Симферополь, 1999. – 63 с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Дидактический материал по русскому языку: 6 класс. – Симферополь, 1999. – 74 с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Дидактический материал по русскому языку: 7 класс. – Симферополь, 2000. – 74 с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Дидактический материал по русскому языку: 9 класс. – Симферополь, 2000. – 56 с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Орфография по правилам: Структурированный учебный словарь для студентов, абитуриентов и учащихся средних школ. – Симферополь, 2000. – 56 с.
5. Борбагыё В.Г. Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 2000. – С.40-54.
6. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М., 1973. – С.5.
7. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI V. – М.: Прогресс, 1985. – С.82.

8. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т.6.– М., 1984.– С. 69.
9. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях.– Ч. 1.– М., 1964.
10. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь.– М.: Наука, 1983.– С.172-214.
11. Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания.– М., 2000.– С.67-96.
12. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство.– Симферополь: Издательский Дом «Амена». 1998.– 340 с.
13. Левин Ю.И. Истина в дискурсе // Семиотика и информатика. Вып.34.– М., 1994.– С.124-164.
14. Маслова В.А. Лингвокультурология.– М.: Издательский центр «Академия», 2001.– 208 с.
15. Потебня А.А. Мысль и язык// Эстетика и поэтика.– Киев, 1993.
16. Садохин А.П. Этнология.– М. : Гардарики, 2000.– С. 208-299.
17. Саяхова Л.Г. Лингвокультурные проблемы образования.– Мир русского слова. . № 3.– 2001.– РОПРЯЛ.– С.17.
18. Соссюр Ф. Труды по языкознанию.– М. 1977. С. 59.
19. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания.– М., 2000.– С. 97-112.
20. Стернин И.А., Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике.– Воронеж: Истоки, 2001.– С. 117.
21. Тумаян Э.Г. Структурно-стилевые автономные варианты в процессе становления современного армянского языка // Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Ашхабад, 1968.– С.195.
22. Уполномоченное образование: Пособие для тренеров.– Информационно-консультационный женский центр: Киев, 1999.– 90 с.
23. Уфимцева П.В. Русские: опыт еще одного самопознания. // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 2000, с.139-162.
24. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности.– М., 1991.– с.301
25. Шахлеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста.– М.: общество любителей российской словесности. 1997.– 184 с.
26. Этнознаковые функции культуры.– М., 1991.
27. Haygen E. Langage planning, theorie and practice// actes du X-e Congres international des linguists. Bucarest 1965. . P. 66.

Поступило в редакцию 15.03.2002 г.

*Бойша Н.И.
(Симферополь, Украина)*

СТИЛИСТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

На важность изучения речевых средств массовой информации указывал академик В.В. Виноградов: «Совершенно ясно, что одной из основных баз стилистики речи, кроме изучения персональной коммуникации, индивидуально-речевых стилей и связанных с ними типичных композиционных форм общения и воздействия, является